

ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

М. Е. САЛТЫКОВ-ЩЕДРИН И ЕГО СОВРЕМЕННОКИ

ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ

Санкт-Петербург
2021

УДК 821.161.1-030(929)
ББК 83.3(2Рос=Рус)92
С16

*Издание осуществлено при финансовой поддержке Российского фонда
фундаментальных исследований, не подлежит продаже
Проект № 21-112-00095*

Составитель и редактор: *Е. Н. Строганова*

М. Е. Салтыков-Щедрин и его современники: Энциклопедический словарь / сост. и ред. Е. Н. Строганова. — СПб.: ООО «Издательство “Росток”», 2021. — 516 с., ил.

Энциклопедический словарь представляет собой первое справочное издание, посвященное биографии и творчеству писателя. Жизнь и деятельность Салтыкова представлены в широком социокультурном контексте. Статьи словаря затрагивают обширный круг явлений общественно-политической и культурной жизни России и других стран (реформы 1860-х гг., русско-турецкая война, франко-пруская война 1870—1871 гг., политика России и Запада в отношении восточных стран, литературно-общественная полемика 1860-х гг., книгоиздание и журнальная политика, смена литературно-эстетических тенденций, музыкальная и театральная жизнь 1840—1880-х гг. и др.). Такой масштабный подход позволяет увидеть Салтыкова как литератора, мыслителя, общественного деятеля, высокопоставленного чиновника, наконец, как частного человека и наглядно демонстрирует многообразие его связей с эпохой, корректирует утвердившиеся трактовки идейных позиций, расширяет и уточняет комментарий к текстам. В словник включены имена не только тех лиц, с кем Салтыков общался непосредственно, но и многих других современников, попадавших в поле зрения писателя и упомянутых в его художественных, публицистических и эпистолярных текстах (русские и зарубежные политические деятели, военачальники, деятели культуры и т. д.). Раздел персоналий дополнен Летописью жизни и творчества писателя. Словарь позволяет лаконично и емко показать роль и значение М. Е. Салтыкова в истории русской культуры. Работу над ним авторы рассматривают как одну из важных составляющих в подготовке к 200-летию со дня рождения писателя.

Книга адресована специалистам по истории литературы, гуманитариям, работающим в других областях, всем, кто интересуется историей русской культуры.

ISBN 978-5-94668-315-9

- © Коллектив авторов, 2021
- © Е. Н. Строганова, сост. и ред., 2021
- © Государственный музей истории российской литературы имени В. И. Даля, иллюстрации ГЛМ КП 9951/2, ГЛМ КП 9951/3, 2021
- © ООО «Издательство “Росток”», оформление, 2021

состояния государства, особое внимание обращалось на несовершенство системы налогообложения, рост долгов банка и государственного казначейства; указывалось на половинчатость крестьянской реформы, получившей сословный характер; критиковалась реформа городского управления, создававшая привилегии для денежной аристократии; говорилось об ограниченности провозглашенной свободы слова, а также несовершенстве самих законов: «В одном и том же законе есть правила, мешающие осуществлению основных положений этого закона» (Головачев 1872, с. 389). Автор задавался вопросом: «...почему в настоящее время не замечается в обществе того одушевления и того интереса к делу, которые господствовали десять лет тому назад?» (Головачев 1872, с. 396). Одну из причин разрыва между проектами реформ и их осуществлением Г. видел в том, «что новые семена свободы труда, самоуправления, независимого суда и некоторой свободы слова брошены не на расчищенное поле, а среди старых плевел крепостных порядков» (Головачев 1872, с. 397). В рассуждениях Г. ощущается влияние непосредственного общения с С., а также его публицистики (7, с. 660). Иронический отклик С. на книгу Г. содержится в очерке «Зиждитель» (1874, «Помпадурсы и помпадурши»): «Спыхватился было г. Головачов, издал книгу “Десять лет реформ” ... целых десять лет! Но и он никого не утешил и не опечалил, а многих даже удивил» (8, с. 199, 522–523). Напоминание о книге встречается и в цикле «Господа Молчалины»: «На последнем литературном вечере один приезжий исправник читал нам статью “Двадцать

лет реформ”, так это даже удивительно, как мы все это выдержали!» (12, с. 125, 655). С. «окрестил» Г. прозвищем «старый тряпичник» «за его публицистические статьи, в которых он вспоминал и обзирал реформы шестидесятих годов» (С. в восп., т. 2, с. 318).

Литература

- Записка А. М. Унковского и А. А. Головачева о недостатках правительственной программы крестьянской реформы (1857 г.) // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах. Т. II–III. М.: Студия ТРИТЭ; Рос. Архив, 1992. С. 98–118; Головачев А. А. Десять лет реформ. 1861–1871. СПб.: Вестн. Европы, 1872; *его же*. История железнодорожного дела в России. СПб.: Тип. Р. Голике, 1881;
- Кривонос М. А. Мятежное земство. Тверь: Вече Твери, 2001;
- Шереметевский В. Русский провинциальный некрополь. Т. 1. М.: Типолит. т-ва И. Н. Кушнерев и К°, 1914. С. 208; Войналович Е. В. Головачев // Рус. писатели. Т. 1. С. 610–611.

Архивы

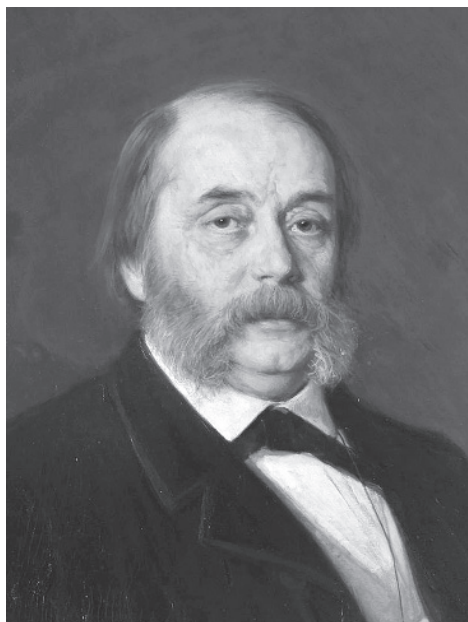
- ГАТО. Ф. 645. Оп. 1. Д. 848 – По прошению кол. секр. А. А. Головачева о причислении к роду сына его Адриана и о выдаче ему копии с протокола о дворянстве, 1858.

И. Н. Поведская

ГОНЧАРОВ Иван Александрович

*06.06.1812, Симбирск –
15.09.1891, Петербург*

Прозаик, литературный критик, мемуарист, цензор. Автор романов

«Обыкновенная история» (1847), «Обломов» (1859), «Обрыв» (1869), произведений «малых форм» — рассказов, повестей, очерков, в том числе мемуарных и литературно-критических статей. Учился на словесном отделении Московского университета (1831—34), по окончании служил в Симбирске, после переезда в Петербург в 1835 был переводчиком, столоначальником в департаменте внешней торговли Министерства финансов (до 1856). В 1852—55 как секретарь адмирала Е. В. Путятина совершил кругосветное плавание на фрегате «Паллада», итогом стали «очерки путешествия» «Фрегат “Паллада”» (1857). В 1856—60 цензор Петербургского цензурного комитета, в 1862—63 главный редактор газеты «Северная почта», в 1863—65, в качестве «цензора цензоров», состоял членом Совета по делам книгопечатания, в 1865—67 — Совета Главного управления по делам печати.

С 1860 член-корреспондент Петербургской академии наук по отделению языка и словесности, с 1876 действительный член Общества любителей российской словесности при Московском университете.

С. познакомился с Г., скорее всего, по возвращении из Вятки, в период его сближения в 1856—57 с кругом петербургских литераторов, однако отношения между писателями в силу идейно-мировоззренческих расхождений никогда не были близкими, не были частыми и их встречи в конце 1850-х и более поздние годы. Не испытывали они потребности и в переписке (сохранились единичные послания друг другу). Одним из препятствий к сближению С. с Г. могла служить цензорская деятельность последнего, негативно воспринимавшаяся большинством литераторов. На его назначение членом Совета по делам книгопечатания С. отреагировал ироническим выпадом в «Помпадурах и помпадуршах» (см. также: «Необыкновенная история о цензоре Гончаро из Чипан-ху» А. И. Герцена, 1857; эпиграмма Н. Ф. Щербины «Молитва современных русских писателей», 1858). Первый рассказ цикла — «Прощаюсь, ангел мой, с тобою!» (1863) — содержал реплику: «...сделайте меня губернатором — я буду губернатором; сделайте цензором — я буду цензором. <...> Всем быть могу; могу даже быть командиром фрегата “Паллада”» (8, с. 8). Парафраз слов Н. В. Кукольника («Прикажет государь, завтра же буду акушером»), которые С. впоследствии процитировал в предисловии к «Господам ташкентцам», содержит намек как на адмирала Е. В. Путятина, назначенного в 1861 министром народного

просвещения, так и на Г., ставшего цензором Петербургского цензурного комитета после плавания на «Палладе».

Вместе с тем С. всегда внимательно следил за литературной деятельностью Г., в частности за его долгой работой над «Обломовым». Признав «Сон Обломова» (1849) «необыкновенной вещью», «прелестной вещью», позже, после прочтения 1-й части романа (ОЗ, 1859, № 1), он писал П. В. Анненкову: «...прочел Обломова и, по правде сказать, обломал об него все свои умственные способности. Сколько маку он туда напустил! Даже вспомнить страшно, что это только день первый! и что таким образом можно проспять 365 дней! Бесспорно, что “Сон” — необыкновенная вещь, но это уже вещь известная, зато все остальное что за хлам! что за ненужное развитие Загоскина! что за избитость форм и приемов! Но если нам, читателям, делается тяжело провести с Обломовым два часа, то каково же было автору проваландаться с ним 9 лет! И спать с Обломовым, и есть с Обломовым, и все видеть и видеть перед собой этот заспаный образ, весь распухший, весь в складках, как будто на нем сидел антихрист! Ведь сон-то мог и не Обломов видеть, зачем же было такую прелестную вещь вставлять в такой океан смрада? <...> Замечательно, что Гончаров силится психологически разъяснить Обломова и сделать из него нечто вроде Гамлета, но сделал не Гамлета, а <-- --> Гамлета. Вообще Обломов на меня сделал такое же впечатление, которое делают говоруны-старички, которых так любят дамы: он раздражил мои нервы» (29 января 1859: 18-1, с. 209). «Раздражение» С. вызвали не

только «избитость форм и приемов», повествовательные длинноты, мелочная детализация, но и полемический выпад против «обличительной литературы», включенный в текст 1-й части при подготовке рукописи к печати в 1858, который метил в ее главных представителей, в том числе самого С. Создавая позднее картину застоя и сна в городе Глупове, С., вероятно, учитывал гончаровский опыт изображения спящей Обломовки и ее обитателей.

Известны несколько отзывов Г. о произведениях С. (начиная с «Губернских очерков»), в которых он признает за ним «замечательный талант». В январе 1859 Н. А. Некрасов передал Г. для прочтения рассказ С. «Развеселое житье» (Некрасов Н. А. Полное собрание сочинений и писем: в 15 т., т. 14-2. СПб., 1999, с. 120), однако его мнение осталось неизвестным. В цензорских отчетах Совету по делам книгопечатания Г. неоднократно рассматривал публицистику С. в Совр. В «Мнении по поводу статей в № 11 за 1863 г. журнала “Современник”...» (20 января 1864) статью С. в хронике «Наша общественная жизнь» он назвал «замечательной по запутанности, темноте, очевидно истекающей из желания автора сказать больше, чем дозволяет цензура». Ключ к салтыковской «тайнописи» Г. видит в его «враждебности» к старым поколениям и «сочувствии» к новым: «...во всех статьях под заглавием “Общественная жизнь” автор <...> перебирает явления общественной жизни желчно, местами злобно, всегда оригинальным языком и вообще с замечательным талантом. На литераторов, журналистов, на их старые идеи, особенно на вражду к новому, он напада-

ет открыто, также на предрассудки, застой, порчу общества и т. п. Там же, где он проводит свой взгляд вообще на современный порядок вещей, свои идеи, он впадает в темноту, о которой я говорил, и делается совершенно непонятен» (Гончаров 2014, с. 82). В отчете за 1864 (8 февраля 1865) Г. отметил, что с удалением из Совр. Н. Г. Чернышевского журнал «утратил прежнее влияние и значение <...> стал пуст, вял», и одна из причин этой «вялости» в том, что «Щедрин, статьи которого были цветом “Современника”, дал две-три статьи и в последние месяцы не печатал ничего» (Гончаров 2014, с. 121–122). Отзываясь о пьесе С. «Утро у Хрептюгина» (9 февраля 1867) Г. оценил ее как «одно из ранних и слабых произведений даровитого автора “Губернских очерков”», но счел, что с исключением нескольких выражений пьеса может быть допущена на сцену (Гончаров 2014, с. 278).

На отношение Г. к творчеству С. не повлиял и его резко критический отзыв о романе «Обрыв» — статья «Уличная философия» (1869). В письме к Некрасову от 22 мая 1869 С. подчеркивал программный характер статьи: «Я написал <...> статью по поводу “Обрыва”, то есть не касаясь собственно романа, а философии Гончарова» (18-2, с. 26). В статье поставлены принципиальные проблемы, прежде всего проблема ответственности литературы за состояние общественной жизни: «Литература, пропагандирующая бессознательность и беспечальное житие на авось, конечно, не может иметь особенных шансов навсегда покорить мир своему влиянию, но она может значительно задержать дело прогресса...»; художник обязан

«сознать себя гражданином», «принимать участие в общем течении жизни»; «художник становится существом не только созерцающим, но и мыслящим, не только страдательно принимает свою грудь лучи жизни, но и резонирует их» (9, с. 63, 64–65). В романе Г. критик видит явление, противоположное этим принципам. Подзаголовок статьи «По поводу 6-й главы 5-й части романа “Обрыв”» не случаен: здесь изложены идеи Марка Волохова и автор «вводит нас в самое святилище мысли своего героя». Приведя обширную цитату с изложением подробностей мирозерцания «нового апостола» (9, с. 78–80), критик саркастически замечает, что содержание «этой бесконечно длинной обвинительной речи <...> ни под каким видом нельзя собрать в один фокус <...>; не употреблено ни одного слова в его собственном значении, не выражено ничего такого, что относилось бы к делу прямо, а не бродило кругом да около». Г. «ограничился одним сухим перечнем» мыслей героя, «новые взгляды <...> Волохов нигде и ни в чем не высказывает», автор находит их «у него в голове» (9, с. 80, 81, 84). Являя собой типичный образец «уличного нигилизма», Волохов, по мнению критика, в качестве «доктринодержателя» совершенно неубедителен.

По мысли С., философия Г., представленная в романе, далеко не оригинальна, она «однородна» позиции авторов антинигилистических романов: все они «стали на сторону уличной морали, на сторону заповеданного, общепринятого и установившегося, против сомневающегося, неудовлетворенного и ищущего» (9, с. 65–66).

Понятие «улица» символизирует примитивные, обывательские, стихийно-консервативные представления, его использует в эти годы не только С., но и другие публицисты ОЗ (9, с. 485–486). По С., «уличная толпа <...> громко заявляет себя сосудом не в смысле накопления знаний, а в смысле накопления невежества; она протестует против вмешательства разума в дела мира сего и становится на сторону бессознательности, случайности и произвола...» (9, с. 61–62). «Взгляните на всех этих людей, — пишет критик, — которые противопоставлены Волохову (он сам их же поля ягода; но так как автору непременно хочется сделать из него демоническую силу, то мы невольно подчиняемся его намерению), и вы увидите, что нет ничего более непрочного, ничего более пораженного мертвенностью, более неверного, нежели их жизнь. <...> Защита невежества — вещь очень легкая и всегда сочувственная уличной толпе <...>. Везде она приносит только вред и может найти себе оправдание лишь в глазах очень близоруких людей <...>. К сожалению, такого рода неловкий и несвоевременный подвиг совершил г. Гончаров своим романом “Обрыв”» (9, с. 94–95).

Г. раздраженно воспринял анонимную «ругательную» статью в ОЗ, признавая С. А. Никитенко 17 июня 1869: «Буренин ли написал ее или сам Щедрин, который все проповедовал, что писать изящно — глупо, а надо писать, как он, *слонями бешеной собаки...*» Ей же он писал 3 июля 1869: «Я понимаю, что нигилисты бранятся не даром. Если статью в “Отечественных записках” подписал не Скабичевский, то ее писал Щедрин, то есть Сал-

тыков. А этот господин ровно ничего не понимает в художественной сфере — это собака с чутьем на грубую дичь. Он карал и казнил город Глупов, чиновный люд, взяточников-генералов — и, играя на одной струне, других не признает, требуя, чтобы в литературе все ругались только, как он. В этом он — первый писатель, и это первенство занимает его...» (цит. по: *Прокопенко*, с. 111–112). «Ругательная» статья, как ни странно, не повлияла на личное отношение Г. к С. и на неизменно высокие оценки его творчества. Оттиск своей статьи об «Обрыве» «Лучше поздно, чем никогда» (РР, 1879, № 6), выросшей из начатого в 1869, но незавершенного «Предисловия» к отдельному изданию романа, Г. подарил С. с надписью: «Михаилу Еврафовичу Салтыкову в знак искренней симпатии и уважения от автора. Апрель 1880» (*Гончаров* 1978, с. 211).

В конце 1870-х личные и литературные связи Г. и С. заметно оживились. В своих письмах Г. ставит С. как писателя в один ряд с Н. В. Гоголем, Л. Н. Толстым, А. Н. Островским, что было наивысшей оценкой, тепло отзывается о нем как о человеке. Он высоко оценивает сатирический дар С. в письме к А. Ф. Писемскому от 18 апреля 1873, проговаривая одну из наиболее актуальных своих мыслей: «Современную, текущую жизнь и нельзя уложить в такой прочной и серьезной форме, как драма, даже трудно и в романе <...>. Это возможно в простой хронике или, наконец, в таких блестящих, даровитых сатирах, как Салтыкова, не подчиняющихся никаким стеснениям формы и бьющих живым ключом злого, необыкновенного юмора и соответствующего ему сильного

и оригинального языка» (Гончаров 1980, с. 402).

Как член редакционного комитета сборника «Складчина» Г. в январе 1874 одобрил к публикации повесть С. «Город» (Алексеев, с. 208). В 1876, прочитав в ОЗ отдельные главы будущих «Господ Головлевых», он обратился к С. с двумя письмами. Первое не сохранилось, во втором, от 30 декабря 1876, подробно анализируя «тип *Иудушки*», он отстаивает мысль об авторской объективности, обеспечивающей, по его убеждению, сам принцип типизации: «Вы, работая над ним, сами, может быть, бессознательно чувствовали объективное величие этого типа, ибо Вы обыкновенно сами бьете по щекам горячо Ваших героев, к нему обращаетесь только с язвительной, чуть не почтительной иронией! Да иначе и нельзя...» Завершает письмо выражение надежды на издание романа «особой книгой»: «...это уже одно поможет читателю выделить его из массы других Ваших чисто субъективных и посвященных быстротекущей злобе дня произведений!» (Гончаров 1980, с. 458–459).

С. в 1870-е не раз обращается к творчеству Г. Мысль об очевидной неубедительности Волохова как выразителя «новых идей» находит продолжение в его очерке «Помпадур борьбы, или Проказы будущего» (1873), посвященном превращению либералов в консерваторов, где консерватор Волохов остается, в отличие от других героев очерка, хамом и «мерзавцем» (8, с. 184–185). Есть основания полагать, что в книге «Господа Молчалины» (1874) С. учел опыт интерпретации грибоедовской комедии в статье Г. «Милльон терзаний» (1872), сатири-

чески его переосмыслив (см.: Прокопенко, с. 152–167). Некоторые черты Г., возможно, отразились в щедринском образе либерала, весьма поправившего к старости, и в очерке С. «Старческое горе» (1879) (см.: Ежегодник РО ПД на 1976, с. 211–212; Прокопенко, с. 189). Признано также, что С. явился прототипом газетного критика Крякова в гончаровском «Литературном вечере» (1877–80) (см.: Гейро 1967; Прокопенко, с. 177–197).

Поздравляя Г. с 50-летием литературной деятельности, в письме от 1 января 1883 С. признавался: «К сожалению, я узнал об этом чувствовании совсем неожиданно из сегодняшнего “Голоса”. <...> Тем не менее прошу Вас считать меня в числе Ваших искренних почитателей и верить, что только жестокая болезнь не позволяет мне приехать к Вам, чтобы лично засвидетельствовать Вам о моем уважении» (19-2, с. 165). Вместе с тем в ответ на гончаровскую похвалу его произведениям в ВЕ, сообщенную М. М. Стасюлевичем, С. ответил в письме от 6 января 1885: «Что касается до похвалы маститого старца, то я польщен ею, хотя этот старец себе на уме и доверяться его похвалам не особенно можно» (20, с. 120).

Л. Ф. Пантелеев вспоминал, что, работая над «Пошехонской стариной», С. отозвался о цикле очерков Г. «Слуги старого века» (1887–88): «...как-то незначительно», пообещав: «Вот я ему покажу настоящих слуг прошлого времени...» (С. в восп., т. 1, с. 321). В библиотеке С. имелись отдельные издания очерков Г. «Четыре очерка» (1880) и «Слуги старого века» «с самыми симпатичными надписями» (Гейро 1967, с. 93), в состав библиотеки Г. вхо-

дило несколько произведений **С.**, из которых сохранились лишь «Благонмеренные речи» (СПб., 1876) с надписью: «И. А. Гончарову от автора» (Описание, с. 79–80).

Литература

Гончаров И. А. Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. Т. 10: Материалы цензорской деятельности. СПб.: Наука, 2014; *его же*. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 8. М.: Худож. лит., 1980; *его же*. Письма к С. А. Никитенко // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского дома на 1976 год. Л.: Наука, 1978. С. 183–221;

Гейро Л. С. И. А. Гончаров и М. Е. Салтыков-Щедрин (о «Литературном вечере» Гончарова) // Вестник Ленингр. ун-та. 1967. Вып. 14. С. 84–93; Прокопенко З. Т. М. Е. Салтыков-Щедрин и И. А. Гончаров в литературном процессе XIX века. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1989;

Цейтлин А. Г. И. А. Гончаров. М.: Изд-во АН СССР, 1950; Батюто А. И. Антинигилистический роман 60–70-х годов // История русской литературы: в 4 т. Т. 3. Л.: Наука, 1982. С. 279–314; Краснощекова Е. А. Иван Александрович Гончаров: Мир творчества. СПб.: Пушкин. фонд, 1997; *ее же*. «Обрыв» И. А. Гончарова в контексте антинигилистического романа 60-х годов // РЛ. 2001. № 1. С. 66–79; Гродецкая А. Г. «Случайный» нигилист Марк Волохов и его сословная геральдика // РЛ. 2015. № 3. С. 5–38;

Алексеев А. Д. Летопись жизни и творчества И. А. Гончарова. М.: Изд-во АН СССР; Л.: Изд-во АН СССР, 1960; Описание библиотеки Ивана Александровича Гончарова: Каталог. Ульяновск, 1987; Гейро Л. С. Гончаров // Рус. писатели. Т. 1. С. 624–632.

А. Г. Гродецкая

ГОРЧАКОВ Александр Михайлович, князь

4.06.1798, Гапсаль
Эстляндской губ., ныне
Хаапсалу, Эстония –
27.02.1883, Баден-Баден

Светлейший князь (с 1871), дипломат, министр иностранных дел (1856–82), последний канцлер Российской империи (с 1867); почетный член Петербургской академии наук (с 1856). Товарищ А. С. Пушкина по Царскосельскому лицей. На дипломатической службе состоял с 1817. Считается «лучшим из министров иностранных дел» (Троицкий, с. 270): в 1870 добился отмены статей Парижского мирного договора 1856, ограничивавших суверенные права России на Черном море после поражения в Крымской войне; обеспечил нейтралитет европейских держав в русско-турецкой войне 1877–78 и др. В области внутренней политики был сторонником проведения реформ.

Имя Г. трижды встречается в письмах **С.** В 1875, когда они оба оказались в Баден-Бадене, тяжело больной **С.** раздраженно писал Н. А. Некрасову о невнимании к нему здешних «русских откормленных идиотов»: «Представьте, только поп да кн<язь> Горчаков заявили мне о своем участии, когда я здесь издыхал. Из прочей массы свиней ни одна не шелохнулась» (25 июля/6 августа: 18-2, с. 190). Однако **С.** был недоволен тем, что об этом эпизоде упомянул А. С. Суворин в НВ: «В прошлом году князь Александр Михайлович <Горчаков> был в Баден-Бадене, куда в то время при-